

УДК 161

ОСНОВАНИЯ УНИВЕРСАЛЬНОСТИ ФИЛОСОФСКИХ ПОНЯТИЙ И СОВРЕМЕННАЯ КОНЦЕПЦИЯ СИМВОЛИЧЕСКОГО ИНТЕРАКЦИОНИЗМА

Шульга Е. Н.

***Аннотация:** Соотнося осознаваемые действия с познавательной деятельностью или рассматривая сознание на уровне феноменов (воображения, понятия, понимания, предпонимания, образа предмета) мы имеем дело с такой формой проявления сознания, как интеракция. Термин «символическая интеракция» подразумевает определенную форму восприятия, взаимодействия человека с окружающим миром. Сущность символической интеракции состоит в том, что между индивидом и действительностью лежит система смыслов, которые подвергаются интерпретации, например, в процессе коммуникации. Отсюда следует, что взаимодействие человека и мира (предметов, объектов), взаимодействие с другими людьми предстает как «схватывание» в сознании смыслового содержания тех коммуникативных процессов, которые как раз и составляют содержание символической интеракции. Эта позиция имеет отношение к новейшим результатам в области философии сознания. Между тем поиск универсальных оснований философии придает особый смысл тем актуальным вопросам, которые побуждают обращаться к самим истокам зарождения понятийного языка философии.*

***Ключевые слова:** слово, имя, смысл, интерпретация, коммуникация, интеракция*

Традиционная философская мысль, решая различные философские проблемы, обосновывает свои концептуально значимые утверждения, исходя из смысла таких философских понятий, которые наилучшим образом организуют знания об изучаемых предметах. При этом сам философ, обосновывая появление проблемы и выясняя ее истоки, стремится мыслить довольно широко, соотнося рассматриваемую проблему с объяснением устройства и организации предметов и объектов мира, направляя свой творческий поиск к пониманию изучаемого предмета на его сущностном уровне. Данное положение касается как понимания специфики процесса философского и научного познания, так и для уточнения предметной области самой философии с ее понятийным, концептуально значимым языком.

Формирование философии как особой области знания – знания универсального и охватывающего собой природу, мир, космос, человека и процесс человеческого познания, происходило вместе с формированием языка философии, с появлением в философском лексиконе таких слов, которые наиболее полно и убедительно передавали смысл описываемых в языке вещей, явлений или даже феноменов мышления и сознания.

Конечно, нельзя обойти вниманием тот культурно-исторический факт, что «словом» обычно называют членораздельное выражение каждого нашего представления или

понятия. Рождение слов и новых понятий, являясь существенной стороной проявления человеческой природы, имеет основание в самой интеллектуальной природе человека. Каково же это основание? Одно из объяснений происхождения слова – это подражание природе. Но исключительно при таком происхождении, слово ограничивалось бы только некоторыми звуками, которые человек слышит в природе и которым подражает. Однако между звукоподражанием и членораздельными звуками слова существует огромная разница. Более того, существуют слова, которые можно характеризовать именно как произведения человеческого сознания. Эти слова придуманы для выражения наших чувств, желаний, намерений, представлений. К такому объяснению происхождения слов и общих понятий был близок Джон Локк, согласно которому вне языка невозможно сколько-нибудь ясно и последовательно рассуждать и говорить о познании.

Рассуждая о том, как образуются общие имена и понятия, Локк приходит к следующему выводу: «Общая природа вещей есть не что иное, как отвлеченная идея. Что именно таким путем люди впервые образовали общие идеи и общие имена для них, это, по моему мнению, настолько очевидно, что не нуждается в каких-либо других доказательствах помимо наблюдения над собою или над другими и над обычными действиями ума при познании» [1, с. 469].

В процессе человеческой истории и в истории культуры «слово», как намеренное и сознательное воспроизведение внешних впечатлений постепенно возрастает до значения, связанного с указанием на предмет. Наконец, появляются слова, не имеющие никакой аналогии с обозначаемым предметом. При этом важность такого слова для понимания окружающей действительности – мира, в котором мы живем состоит в том, что посредством слова мы можем выразить не только конкретные или единичные предметы, как, например, очертания образов, но и общие представления, отвлеченные отношения между вещами и предметами. Важен и тот факт, что познание, о котором рассуждает Локк, «продвигалось бы медленно, если бы слова и мысли людей ограничивались лишь отдельными предметами» [1, с. 478]. Поэтому не случайно появление так называемых отвлеченных понятий с философским смыслом и значением. Это относится и к широкому философскому пониманию человека. Но можно ли рассуждать о человеке, соотнося его с понятием вида или сущности?

Согласно Локку, быть человеком, принадлежать к виду «человек» и обладать сущностью человека – одно и то же. Отсюда следует вывод, что «сущности видов вещей и, следовательно, деление вещей на виды есть работа разума, абстрагирующего и составляющего эти общие идеи» [1, с. 472].

Что касается формирования специального философского языка – понятийного и при этом многозначного, обладающего множественностью смысловых характеристик, то обращение к истории философской мысли показывает не только сам процесс становления универсального языка философии, но и процесс изменения смысла, приписываемого употребляемому слову и/или понятию в зависимости от контекста отстаиваемых положений философской концепции или научной.

Как известно, смысл слова может отличаться от его значения. Но при этом по от-

ношению к пониманию слова соотношение «смысл – значение» рассматривается как выражение различной формы осуществления языковой связи, аналогичной той, которая существует между «знаком» и «означаемым». В лингвистике принято различать лексическое (языковое) значение употребляемого слова и смысл этого слова – именно смысл рассматривается как субъективный образ, который возникает при понимании текста и при речевом употреблении.

Проблема языка со временем рассматривается в самых разных аспектах и в зависимости от тех социальных функций, которые предписаны языку: коммуникативных, когнитивных, информационных и т.д. При этом дискретность смысла единиц языка и возможность комбинации смысла по определенным правилам обеспечивает создание «текста» как совокупности сложных знаков с развитой системой модальности. Именно поэтому мы можем теперь говорить, что языку – этой знаковой системе свойственна универсальность. Таким образом, универсальность – это и проявления отдельных форм и выражений человеческого сознания, и выражение целостной системы представлений о мире в качестве результата познания. В этом последнем случае язык становится предметом философского анализа.

В наиболее раннем варианте философии языка формируется проблема, описывающая соотношение предмета и его имени. И это не случайно, поскольку процесс «именования» характеризуется как синкретический комплекс, имеющий отношение к пониманию процесса формирования слова, как, например, это происходило в эпоху становления архаической культуры, где слово и выражающее его понятие были еще неразличимы. Причем именно в рамках так называемой традиционной культуры проблема возможности и глубины представленного смыслового содержания языка рассматривается как связанная с выяснением онтологического статуса непосредственных языковых значений, выясняемых через соотношение слова – вещи.

Особое место в современной философии занимает проблема соотношения языка и мышления, определения функций и значения языка, рассматриваемого в социокультурном контексте, проблема нарративной языковой референции, проблема понимания и интерпретации текста, в том числе, выяснение его неявного, скрытого смысла.

Следует заметить, что в различных философских концепциях проблема смысла интерпретируется по-разному. Например, феноменология делает акцент на интенциональной природе сознания. Поэтому на феноменологическом уровне смысл и значение слов (как и смысл понятий философского языка) отождествляется с активностью самого человеческого сознания, и в силу этого они рассматриваются как неразличимые. В герменевтике смысл и значение характеризуются в зависимости от исторически сложившегося способа истолкования и интерпретации. Во всех случаях язык философских понятий можно характеризовать как специфическое и универсальное средство объективации содержания нашего сознания, впитавшего в себя культурные традиции понимания и интерпретации смысла изучаемого текста. Важно при этом, что задача философского анализа продолжает сохраняться и состоит в том, чтобы проникнуть в сущность изучаемого предмета. Эта познавательная установка, восходящая к греческой философской мысли,

не противоречит иным точкам зрения в отношении к слову и его смыслу. Так, высказывание Василия Великого: «познаем не по сущности, а по имени» иллюстрирует наиболее реалистический взгляд на содержание высказываемого суждения. Применительно к тексту этот пассаж означает, что для правильной оценки высказанного суждения важно не только то, что сказано (или что написано), но и кому оно принадлежит. Другими словами, авторство текста, а также «авторитет слова» рассматривается как важнейших признаков, на основании которого можно судить о содержательном значении каждого слова, используемого понятия и текста в целом. В устной речи, акцент говорящего на особенно значимом слове, высказанной подчеркнуто эмоционально мысли и соотнесенной слушателями с темой и общим контекстом речи – все это во много определяет понимание истинного смысла сказанного и его предназначение. Это позволяет сделать вывод, что понимание наступает именно в силу развитой интеллектуальной способности человека воспринимать текст как целостную структуру, отделяя в нем важное и второстепенное, и такая работа интеллекта происходит благодаря когнитивной способности знать и понимать истинный смысл каждого слова.

В герменевтической трактовке процесс постижения смысла текста посредством интерпретации предполагает понимание этого текста через реконструкцию его имманентного смысла. Это неизбежно приводит нас к следующему выводу: понять текст значит сделать его для себя осмысленным и семантически значимым. Например, благодаря соотнесению имени и предмета, как это было принято уже в античной философии, где одним из средств познания было требование поиска «правильных» имен – поиск соответствия имени – предмету через «эйдос» как образец этого предмета.

Библейское понимание имени сложнее и глубже. Оно основывается на фундаментальном символизме, в контексте которого раскрывается понимание сути вероучения. Так, христиане первых веков н.э. не только молились, но и размышляли о Боге как правоверные иудеи. Это объективное обстоятельство для некоторых членов еврейской диаспоры, проживавшей на одной территории с греками, послужило основанием рассматривать христианское вероучение как близкое талмудическому иудаизму, что, в конечном итоге привело их к выводу: христианство способно дать ответы на насущные вопросы Торы, а это как раз и подтверждает ее универсализм. В этом отношении первостепенную роль играл толкователь.

Как действует благочестивый толкователь?

Толкователь, при составлении формулировок, разъясняющих смысл Писания, соотносит собственные познания с тем, что написано в конкретном фрагменте Священного Писания и что следует понимать буквально. Дело в том, что для благочестивого верующего соблюдение буквального смысла текста Писания является главным условием правильного истолкования священного текста. В том числе, применительно к истолкованию конкретных жизненных ситуаций, волнующих человека. Поэтому в истолковании какого-либо фрагмента текста толкователь соотносится его содержание с сущностью означаемого в тексте предмета или с событием, интерпретируемым сообразно конкретной жизненной проблемы, нуждающейся в стороннем разъяснении.

Конечно, толкователю не запрещено каким-то доступным образом объяснять заповеди. Но заповеди (законы) необходимо строго соблюдать в соответствии с общепринятой традицией, поскольку традиция не ограничивается восприятием закона исключительно в духовном смысле. Что касается восприятия и понимания именно духовного смысла, то его следует пояснять, используя примеры из текстов Библии, что мы и сделаем, в связи с восприятием имени в его традиционном духовном смысле.

Как известно, в иудаизме существует строгий запрет на произнесение имени Бога, поскольку богословие раннего иудаизма связано с признанием магической силы слова, и в ритуальной практике слово (в глубинном его понимании) используется как основной атрибут ритуала. Другой, усиливающий это положение аргумент касается непосредственного восприятия смысла всего вероучения, реконструируемого на основе понимания контекста каждого фрагмента Библии. Например, в текстах Библии встречаются фрагменты, указывающие на то, что Бог непознаваем, следовательно, Он не нуждается в имени (имени собственном). Однако человеку, а также народу, ему, Господу, поклоняющемуся, важно хвалить имя Бога, поскольку в этом имени (Господь) обещано присутствие Бога, которое означает для человека спасение и жизнь. Итак, сказано: За то, что он возлюбил Меня, избавлю его, защищу его, потому что он познал имя Мое (Пс.90:14).

В текстах Септуагинты перевод библейского имени Бога объединяет два различных лингвистических и культурных плана: ближневосточный, с характерной для семитского мироощущения семантикой божественного присутствия и греческий план, с характерным для греков философским мышлением и абстрагированием в идее Абсолюта. «Соединение двух этих лингвосемантических планов, – как пишет Дмитрий Шукуров, – безусловно, отражают единую истину. Так лингвистически рождается основная антиномия будущей христианской теологии: трансцендентность Абсолюта (греческое умозрение) и Его присутствие (семитское мироощущение), т.е. апофатика и катафатика боговоплощения. Бог есть трансцендентное Существо. Однако, оставаясь вечным, непознаваемым, самодостаточным в Своем бытии источником жизни, Он открывает Себя, приходит к тому, кого Сам избрал и с кем заключил Завет – чтобы всегда присутствовать» [2, с. 91].

Для православия, как вселенского, так и для русского, идея евхаристического отношения к имени Бога – Сына Божьего Иисуса Христа – является основной. Однако тема символизма в христианстве не остается без внимания русских философов. Так, у Флоренского эта тема реализовалась в концепции символа и учении об имени; у Лосева она основывалась на христианском платонизме и современной ему феноменологической методологии, что привело этого мыслителя к выводу, что имя это энергия сущности.

По Лосеву, имя предмета – это встреча воспринимающего и воспринимаемого, познающего и познаваемого. В имени кроется некое «единство разъятых сфер бытия, единство, приводящее их к совместной жизни в одном целом, уже не просто «субъективном» или «объективном» сознании» [3, с. 642]. Согласно этому мыслителю, через имя божественная природа света освещает весь мир, все живет «словом» и «слово» свидетельствует о мире. Точно также как Лосев и Флоренский, Булгаков соотносит философию имени с православной идеей энергетизма и для всех этих мыслителей «имя»

содержит в себе «энергию первосущности» [2, с. 279].

Таким образом, представленное в этом кратком обзоре отношение к слову и его смыслу, к вере, к религиозному, теологическому и философскому познанию складывалось на протяжении многих веков, формируя особый понятийный язык и стиль мышления. Первоначально оно было направлено на изучение природы, ее явлений и процессов. Из множества концепций и учений о природе впоследствии сформировались самостоятельные научные дисциплины: астрономия, физика, метеорология, биология и другие науки со своим собственным предметом исследования и собственной проблематикой. Однако следует заметить, что в VI и тем более в XV в. до н.э. философии не существовало отдельно от науки, а науки – отдельно от философии, поэтому как научные гипотезы, так и различные типы философских учений возникли почти одновременно. Что касается оригинального склада ума, то характерной особенностью древних греков (мыслителей и натурфилософов) были такие важные исследовательские качества, как острота научной пытливостью, тяга к наблюдению и последующему анализу, в рассуждении опора на индукцию и дедукцию, а также склонность к обоснованию. Именно обоснование (обоснованность, достоверность) полученных результатов становится важнейшим критерием всего последующего научного и философского знания. Остается открытым вопрос: является ли философское, фундаментальное знание одинаково воспринимаемым в качестве универсального, к какому бы народу и к какой бы исторической эпохе ни относились сформулированные понятия, отдельные положения или целые концепции? Что указывает на философский характер знания?

На первый взгляд, философское знание (по сравнению с обыденным) предельно абстрактно и поэтому представляется настолько универсальным, что его появление и дальнейшее распространение не может иметь отношение только к одной культурно-исторической традиции как единственно приемлемой для восприятия всеми другими научными и философскими традициями. Происхождение такого рода знания не имеет отношения и к какой-то единственной исторически значимой географической территории, где это знание зародилось, получило дальнейшее развитие и распространение. Между тем, отвечая на вопросы, касающиеся универсализма философского знания (или его отдельных утверждений), следует заметить, что уже в самую раннюю эпоху зарождения философии – а ее, еще раз подчеркну, мы традиционно связываем с греческой натурфилософией – способы рассуждений и направленность этих рассуждений касалась поиска ответов на три основных вопроса, волновавших мыслителей прошлого. Это природа, человек и его разум. Согласно Аристотелю, эти три основных предмета философских размышлений и исследований указали греческим философам пути развития мысли по трем основаниям: логика, этика и природа. Что касается природы, то греческие философы, в частности, досократики, исследовали природу во всех ее проявлениях, описывая и объясняя естественный мир природы исходя из наблюдения. Такое эмпирическое направление преднаучной, натурфилософской мысли дало толчок к развитию конкретных наук естественнонаучного содержания. Наряду с естественнонаучными направлениями, греческих натурфилософов интересовали вопросы общефилософского, метафизическо-

го значения: как устроен мир, как он возник? В целом, характер всей полноты знаний, полученных досократиками можно считать универсальным уже только на том основании, что именно эти философы впервые стали рассматривать мир как рационально организованную систему и утверждали, что несмотря на свою сложность, природа может быть познана и объяснена, в первую очередь, на уровне наблюдаемых явлений.

Наблюдение за многообразием явлений природы способствовало развитию философской мысли в сторону систематичности и простоты. Так возникла и обозначилась одна из главных задач философии – определение «начал», которые, по мысли греков, как раз и отвечают представлению о внутренней организации вещей на их сущностном уровне. Например, природа как некая целостность рассматривается ими с точки зрения организующих ее начал – системно и единообразно повторяющихся явлений (смена времен года, смена дня и ночи, появление звезд и движение планет, смена этапов жизни человека). Постепенно складывается язык общих понятий философского содержания, к числу которых относятся: мир, космос, природа, начало (или принцип), нус (разум). Вместе с формированием языка философских (универсальных) понятий встал вопрос о значении и смысле этих понятий. Так, космос, в широком смысле, ассоциировался и с мирозданием, и с наблюдаемым звездным небом. В то же время в узком, обыденном употреблении слово «космос» у греков обозначало просто «украшение», «наряд» и то, что привносит порядок в организацию наряда, то, как этот наряд организован. В конечном счете, сочетание двух уровней смысла – узкого и широкого, обыденного и философского – позволило привнести в целостное понимание мироустройства и организации наблюдаемого звездного мира нотку эстетичности и красоты.

Опуская дальнейшее рассмотрение истории становления философской мысли Древней Греции, отмечу только те особенности стиля мышления и научного исследования, которые были привнесены в мировую философию именно греками и позже рассматривались повсеместно как имеющие важное методологическое и общетеоретическое значение. Речь идет, прежде всего об острой пытливости ума, характерной для греческих философов и их склонности к обоснованию выдвигаемых или используемых положений. Причем преимущественным способом исследования является наблюдение и анализ. Условием получения истинного знания становится выдвижение гипотез с последующими рассуждениями по аналогии, которые опирались на наблюдение. Распространение такого стиля мышления способствует появлению различных гипотез относительно одних и тех же явлений, а также стимулирует концептуальное разнообразие точек зрения относительно одних и тех же вопросов. Например, мысль о вечности истинно сущего бытия, восходящая к элеатам сохраняет свою актуальность как для философов, так и для богословов последующих эпох. В какой-то мере это относится и к стилю мышления.

В качестве образца философского стиля мышления сошлюсь на метод Сократа, о котором устами Сократа говорит Платон: «Я решил, что надо прибегнуть к отвлеченным понятиям и в них рассматривать истину бытия, хотя уподобление, которым я при этом пользуюсь, в чем-то пожалуй и ущербно... как бы то ни было, именно этим путем двинулся я вперед, каждый раз полагая в основу понятие, которое считал самым надежным;

и то, что, как мне кажется, согласуется с этим понятием, я принимаю за истинное – идет ли речь о причине или о чем бы то ни было ином, – а что не согласно с ним, то считаю неистинным» [4, 100 a-b]. Как можно заметить, в этом цитируемом фрагменте «истины бытия» относятся к отвлеченным понятиям, но не уподобляемым (чему-то), например, путем сравнения, сопоставления; философ «полагает в основу» своего рассуждения только то, что согласуется с самым надежным понятием.

По сути дела, диалог «Федр» посвящен искусству красноречия, которое предполагает умение правильно, предельно ясно и последовательно излагать свои мысли. В тексте этого диалога мы находим также и указание на метод, которым необходимо следовать, в частности, при составлении речей. «Этот метод заключается, во-первых, в способности охватывать все общим взглядом, возводить к единой идее то, что повсюду разрознено и, во-вторых, в способности разделять все виды на естественные составные части (265d-266a). Умение возводить частное к общему и из общего получать частное, без чего нельзя мыслить и излагать свои мысли так, чтобы они были поняты, есть диалектика (266 bc)» [цит. по: 5, с. 90].

Для цели нашего исследования важно подчеркнуть, что именно благодаря грекам обоснование как главная задача научного исследования и/или философского рассуждения становится тем критерием, который определяет уровень достоверности (а, следовательно, обоснованности) любых научно-теоретических или философских исследований. Этот критерий современными учеными, философами рассматривается как универсальный принцип оценки результативности в решении поставленных задач.

Итак, обращение к истории философской мысли не только обогащает нас сведениями культурно-исторического содержания и философского значения, но всякий раз дает новый импульс для интерпретации изучаемых положений.

Напомню, что наряду с познанием природы и ее явлений, греков интересовал сам человек, способы познания мира и человека в нем и все то, что полезно человеку для жизни среди других людей и в государстве. На этом пути вопросы этики рассматривались как другой важный аспект рассуждений о человеке. Основанием для становления предметной области этики были все же те условия, которые касались познания человеческой природы и лучшего, что есть в человеке и что сам человек способен развивать в себе, т.е. добродетель.

Согласно Аристотелю, добродетель есть Высшее Благо, поэтому знание, достойное поведение и овладение наиболее почитаемыми в государстве умениями становятся теми важными критериями успеха и благополучия, к которому должен стремиться человек. Эти простые истины сохраняют свое ценностное и общечеловеческое значение на протяжении многих веков. Определяя благо как высшую ценность, Аристотель соотносит благо с действием внешнего порядка: мужеством, щедростью, умеренностью, а деятельность – с проявлением разума в виде интеллектуальной добродетели, здравого смысла, рассудительности, знаний и практичности. В процессе воспитания молодых людей и по мере взросления эти качества становятся привычными для них способами бытия.

Современная философия, ориентированная на познание человека, рассматривает

этические вопросы, связанные, например, с воспитанием и формированием личности, адресуя их к реализации процесса социализации молодого человека – вхождения его в среду и умения неконфликтно сосуществовать с другими людьми. Этот процесс формирования личности (а также ментальности) рассматривается как объективное условие формирования самосознания, создания образа себя.

В процессе социализации происходит следующее: человек формирует свое сознание исходя из представлений об объектах мира; воспринимает эти объекты, характеризует и оценивает их, в том числе, посредством участия значимых Других, которые указывают на предметы, символически означают их. Изначальная установка на отношение между собой (самосознанием себя) и предметами протекает в среде, визуально и эмоционально насыщенной и в соединении с уже утвердившимися знаниями. Это приводит к пониманию смыслов и к получению дефиниций, идущих от Других, от интерактивных партнеров.

Фаза первичной социализации завершается, как правило, выделением среди смыслов окружения такого понимания себя – создания концепции самого себя, которая оценивается самим человеком как относительно независимая от актуальных и социально значимых партнеров, каковыми являются родители, семья, воображаемый или реальный герой, непосредственный руководитель, авторитетный коллега и т.д. Именно смыслы этих актуальных Других или обобщенного Другого достраиваются воображением в результате интерактивного восприятия. На этой стадии протекания коммуникации как интеракции раскрывается способность человека «считывать» смысл любых очевидных действий своих партнеров по коммуникации, следовательно, закрепляется в сознании и проявляется в последующих актах коммуникации (интеракции) умение приспособить к ним собственные действия.

Интеллектуальный процесс овладения смыслами подразумевает также и непрерывающийся обмен информацией, что как раз и позволяет индивиду наблюдать объекты, оценивать их и наделять их новым смыслом. Таким образом, человек формируется как личность и как творец, создавая образ себя в результате длительного процесса социализации, а также благодаря тому, что проявляет способность познавать и одновременно осознавать то, что он познает. При этом ассоциативное мышление усваивает культурные и социальные стереотипы, делая их узнаваемыми и адекватными – благоприятными для восприятия.

Узнавание (опознание) знакомых элементов: имен предметов, знаков, символов окружающей действительности, понимание таковых оказывается возможным благодаря способности к целостному восприятию мира. Причем отдельные элементы мира воспринимаются в их целостности только как адекватные тому, что уже было воспринято и усвоено еще в раннем детстве в процессе телесного контакта с близкими другими, а также благодаря развивающим социальным контактам, обучению и различным формам коммуникации. Именно благодаря им раскрываются когнитивные способности человека: восприятие, представление, память, внимание, речь, мышление и эмоции, являясь различными гранями сознания.

Особое место в структуре сознания занимает символическая интерактивность.

Этот термин указывает на особую форму восприятия и взаимодействия с окружающим миром, в первую очередь, на уровне интерпретации символического содержания интерактивности как деятельности. Структура символической интеракции такова, что она позволяет рассматривать происходящие в интеракции процессы через построение субъектом взаимно осмысленного пространства, в котором осуществляется понимание его как текста особого рода. Например, человек, погружаясь в воспринимаемое событие, рассматривает его как смысл, образованный таким создаваемым «текстом», подвергаемым интерпретации уже на уровне предпонимания.

В определении понятия предпонимание есть указание на понимание и на то, что ему предшествует. Иначе говоря, понимание с приставкой пред- удачно подчеркивает идею предварительности таких русских слов, как: суждение, рассудок, убеждение, понимание. Все они используются для уточнения сущности процесса познания, рассматриваемого в контексте таких современных философских направлений исследования, как феноменология, герменевтика, социология и др., Например, выбор социологического аспекта рассматриваемой проблемы понимания связан с определением действительности как объективно существующей «понимающей действительности».

Такую понимающую действительность создает культурная среда: наша семья, общество, в котором мы живем и работаем, наконец, государство. Причем восприятие такой понимающей действительности возникает раньше, чем мы начинаем осознавать себя в саморефлексии. В дальнейшем, по мере взросления и социализации, понимающая действительность проявляется для нас в общественных институтах, выступает в качестве социальных норм и культурных образцов, которые формируют и корректируют модель нашего социального поведения. Поэтому можно утверждать, что хорошо развитое чувство сопричастности чему-то важному, умение понять другого, вчувствоваться в его проблему, войти в положение другого – все это является следствием нашего человеческого. Если же этого взаимопонимания по какой-то причине не происходит – человек не хочет войти в наше положение, т.е., проще говоря, не контактен, мы говорим, что он плохо социализируется.

В герменевтике понятия «вчувствоваться» в автора текста, понять его внутренние интенции и «войти в контекст» – эти качества можно характеризовать как близкие по значению феномену предпонимания. Здесь предпонимание предстает и как категория описания, выяснения истинного смысла текста, и как элемент воссоздания смысла. «Этот термин указывает также на возникновение смысла в индивидуальном переживании в последующих фазах символической интерактивности» [6, с. 32]. В процессе восприятия устной речи и в результате интерактивной интерпретации происходит переживание переживаемого и воспринятого в сознании на понимание интересубъективного смысла того, что услышано в процессе беседы. В любом случае, благодаря открытости субъекта к интерактивному восприятию становится возможной сама интеракция, результатом которой становится обмен смыслами (или согласование понятий), выявляемый в процессе беседы.

Не следует забывать, что успешность коммуникации во многом зависит от субъек-

ективных ожиданий и уверенности партнеров в возможности согласовать собственные убеждения с точкой зрения своего собеседника. Поэтому интеракция призвана подтвердить такую перспективу уже только на том основании, что любая форма человеческого общения: беседа, диалог, научный дискурс направлены к взаимопониманию, а также формируют правила, позволяющие партнерам искать объяснения в системе используемых ими слов, понятий, конкретных идей. Обязательность этих правил как раз и организует системы социальных смыслов в интеракции.

Итак, предпонимание квалифицируется и как феномен сознания, и как элемент последовательности переживаний, сопровождающих коммуникацию. Роль интерпретации в процессе интеракции как коммуникации состоит в том, что раскрыть когнитивные, творческие возможности предпонимания, поскольку именно предпонимание запускает в последовательность речи (и в выражение мысли) вступительные предвидения смысла – смысла, который затем корректируется в процессе интеракции всеми участвующими в коммуникации сторонами. Наряду с этим, предпонимание, как важный аспект интерактивной герменевтики позволяет субъекту учитывать биографически обусловленную структуру смысла, т.е. навык вживания, вчувствования, с которых как раз и начинается опыт интерпретации. Этот опыт позволяет интерпретатору истолковывать не только слова и отдельные понятия, но также семиотику культуры, ее гибкий контекст, позволяющий представить в интеракции события культуры как осмысленный и рациональный текст.

Список литературы

1. Локк Дж. Опыт о человеческом разумении. Книга третья. // Локк Джон. Сочинения в 3-х т. Т. 1 / Ред.: И.С. Нарский, А.Л. Субботин. М.: Мысль, 1985.
2. Шукуров Д.Л. Герменевтика богооткровенного имени. СПб.: Нестор-История: Свет, 2021.
3. Лосев А.Ф. Философия имени // Лосев А.Ф. Бытие – Имя – Космос / сост. и ред. А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1993. С. 613-801.
4. Платон. Федр // Платон. Собрание сочинений в четырех томах. Том 2. М.: Мысль, 1993. С. 135-191.
5. Шульга Е.Н. Понимание и интерпретация. М.: Наука, 2008.
6. Шульга Е.Н. Проблематика предпонимания в герменевтике, феноменологии и социологии. М.: ИФ РАН, 2004.

Сведения об авторе

Шульга Елена Николаевна – доктор философских наук, Институт философии РАН.

E. N. Shulga

**THE FOUNDATIONS OF THE UNIVERSALITY OF PHILOSOPHY
AND THE MODERN CONCEPTION OF SYMBOLIC INTERACTIONISM**

Abstract: *A Correlating conscious actions with cognitive activity or considering consciousness at the level of phenomena (imagination, concepts, understanding, pre-understanding, image of an object), we are dealing with such a form of manifestation of consciousness as interaction. The term «symbolic interaction» implies a certain form of perception, human interaction with the outside world. The essence of symbolic interaction is the fact that between the individual and reality lies a system of meanings that undergo interpretation, for example, in the process of communication. It follows that the interaction of man and the world (things, objects), interaction with other people appears as a «grasping» in the consciousness of the semantic content of those communicative processes that make up the content of symbolic interaction. This position is connected with the latest results in the field of philosophy of mind, meanwhile, the search for the universal foundations of philosophy gives special meaning to those topical issues that prompt us to turn to the very origins of the conceptual language of philosophy.*

Keywords: *word, name, meaning, interpretation, communication, interaction*

References

1. Locke J. Opyt o chelovecheskom razumenii. Kniga tret'ja [An Essay concerning Human Understanding. Book Three]. Moscow: Mysl Publ., 1985. (In Russian).
2. Shukurov D.L. Germenevtika bogootkrovennogo imeni [Hermeneutics of the Revealed Name]. Saint-Petersburg: Nestor-Istoriia Publ., 2021.
3. Losev A.F. Filosofija imeni [Philosophy of Name] // Losev A.F. Bytie – Imja – Kosmos [Being-Name-Cosmos] / sost. i red. A.A. Taho-Godi. Moscow: Mysl Publ., 1993. Pp. 613-801.
4. Platon. Fedr [Phaedrus] // Platon. Sobranie sochinenij v chetyreh tomah. Tom 2. [Essays in four volumes. Vol. 2] Moscow: Mysl Publ., 1993. Pp. 135-191. (In Russian).
5. Shul'ga E.N. Ponimanie i interpretacija [Understanding and interpretation]. Moscow: Nauka Publ., 2008.
6. Shul'ga E.N. Problematika predponimanija v germenevtike, fenomenologii i sociologii [Problematics of Pre-understanding in Hermeneutics, Phenomenology and Sociology]. Moscow: Institute of Philosophy RAS, 2004.

Shulga Elena Nikolaevna – DSc in Philosophy, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.